

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Е.А. Ерохина

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской
академии наук,
Новосибирск, Россия

leroh@mail.ru

Статья посвящена выявлению элементов внутренней структуры российской цивилизации в совокупности составляющих ее элементов: восточнославянского, финно-угорского, тюрко-монгольского и др. Анализ положений цивилизационных и геополитических концепций соотнесен со спецификой исторического опыта развития России как локальной цивилизации. Выделяется три этапа осмысления роли этнического многообразия в развитии российской цивилизации: 1) предьевразийский (1703–1907); 2) евразийский (1907–1968); 3) постевразийский, или современный. В статье раскрывается структурно-генетическая роль этнического многообразия в развитии российской цивилизации. Развитие цивилизационных процессов связано с качественным усложнением механизмов цивилизационной самоорганизации. Оно заключается в переходе от цивилизационного симбиоза к синтезу, который сопровождается усилением экономических связей между этническими сообществами и переходом от менее развитых хозяйственно-экономических укладов к более развитым (при сохранении многоукладности). Предложена модель цивилизационного синтеза, в которой этносы выступают структурными элементами, устойчивые межэтнические взаимодействия – «соединениями», а сама цивилизация – «веществом». Выделяются два этапа генезиса российской цивилизации: 1) славяно-финно-угорский симбиоз при политическом доминировании восточных славян (пред- и раннецивилизационный этап, VIII–XV вв.); 2) синтез двух соединений – восточно-европейского (славяно-финно-угорского) и тюрко-монгольского (кочевого) при демографическом, политическом и культурном доминировании русских (XVI–XX вв.).

Ключевые слова: этническое многообразие, Россия, сравнительное изучение цивилизаций, геополитика.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-25-34

Этническое многообразие является фактором, существенно влияющим на развитие стран и цивилизаций. Логика развития отдельных обществ и цивилизаций имеет свои особенности. Представляется, что эти отличия довольно точно уловил Ф. Бродель, когда давал характеристику различных ритмов исторической длительности: длительной, средней и краткой временной протяженности. Время «короткого дыхания» разворачивается в простран-

стве конкретных событий, задающих вершины индивидуальных возможностей. Становление, развитие и распад отдельных обществ хорошо описывается в категориях средней временной протяженности. Развитие же локальных цивилизаций включено в ритмы больших исторических длительностей [1, с. 64]. Хотя исследования Броделя были посвящены в основном Европе, его методы вполне применимы к России как отдельному обществу и цивилизации с многоком-

понентной этнической структурой. Целью статьи является выявление значения этнического многообразия в генезисе России как цивилизации, т. е. в контексте ритмов максимальной исторической длительности.

Следует отметить, что постановка проблемы взаимовлияния этнического многообразия и цивилизационной динамики не является новой для отечественной философии и науки. Ее осмысление начинается с первых шагов становления цивилизационной компаративистики, развивающейся в русле русской геополитической школы. Русская школа геополитики является континенталистской и иной быть не может в силу особенностей географического положения России. Континенталистская стратегия отечественной геополитики отражена в названии одного из этапов ее развития – евразийского. Учитывая его влияние на методологию исследования и общественное сознание, выделим три этапа рефлексии, связанной с осмыслением роли этнического фактора в становлении российской цивилизации: 1) предъевразийский (1703–1907), 2) евразийский (1907–1956), 3) постевразийский.

На первом этапе Россия как цивилизация впервые появляется в исследовательских традициях славянофилов, развиваемых в трудах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.И. Ламанского и их последователей. Формируется цивилизационная парадигма исследования, содержащая представление об этнической предпосылке культурно-исторических типов (Н.Я. Данилевский). Примечательно, что в работах славянофилов славянский мир противопоставляется романо-германскому не только как особый этнический, но и как культурно-исторический, т. е., по сути, цивилиза-

ционный тип. Это задавало определенную оптику исследования, в центре которой оказываются локальная цивилизация и связанные с ней этнические сообщества.

Квинтэссенцией предъевразийского периода развития общественной мысли явилось идейное народничество, включавшее идею служения социальным «низам», изучение этнических культур в поисках «первоистока», надежду на возможность возрождения утраченного славянского единства. В научной концепции сибирских областников Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева высказывалась смелая для своего времени идея партнерского диалога народов Востока (Сибири и Центральной Азии) и Запада (русских и европейцев). Хотя предъевразийские идеи питались в значительной мере опасениями этнического и регионального сепаратизма, не стоит сбрасывать со счетов неприятие частью российского общества идеи вторичности России по отношению к Западной Европе. На излете первого этапа появляется термин «Русская Евразия», авторство которого принадлежит географу В.П. Семенову-Тянь-Шанскому.

Участие России в Первой мировой войне и исчезновение с политической карты мира Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской империй дополнили отечественную геополитику антиколониальным содержанием, усилили интерес к темам, связанным с ролью государства и религии. Возникшее после распада Российской империи идейное течение белой эмиграции провозгласило себя евразийским. П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой определили Россию как государство-цивилизацию [4, 7]. Ее органическое единство скреплено общностью народов, связанных своим образом жизни с субконтинентальным регионом материка Евразия. Евразий-

цев объединяло неприятие в равной степени как капитализма, с которым они ассоциировали Запад, так и социализма, который установился в СССР с наступлением власти большевиков. Признавая государство субъектом международных правовых отношений, евразийцы полагали, что народы той или иной цивилизации играют в геополитических процессах не менее значимую роль, чем государство.

Идейное народничество, основанное на неприятии капитализма как системы, использующей ресурсные ограничения одних субъектов ради извлечения выгоды другими субъектами, сближало их, несмотря на цензурные ограничения, с коллегами-учеными в СССР. Квинтэссенцией евразийской мысли стала идея особого пути развития (в советской интерпретации – некапиталистического), что означало веру в возможность совместными усилиями всех «братских народов СССР» «перескочить» капиталистическую стадию и сразу попасть в социализм. Такая возможность в соответствии с советской идеологией открывалась не только перед народами, достигшими капитализма, но и перед теми, кто в соответствии с формационной теорией К. Маркса находился на докапиталистической стадии развития.

Важно отметить, что современная отечественная геополитика остается континенталистской. Это обстоятельство не является препятствием для мощного влияния англо-американской и несколько более «мягкого» влияния европейских школ геополитики: немецкой и французской. Отличительной особенностью французской школы, в отличие от англо-американской и немецкой традиций, является отказ от противопоставления «народов Суши» и «народов Моря». Фундамент французской школы

был заложен в конце XIX – начале XX в. А. Деманжоном, П. Виллемом де ля Блашем и Ж. Анселем, выступавшими за преодоление географического детерминизма в геополитике. Перенос интереса с физико-географических и ресурсных аспектов географического исследования на социальные взаимодействия, символические аспекты коммуникации, ценностные представления позволил сместить акцент анализа в сторону человека как носителя сознания и воли. Французская школа геополитики и, возможно, в еще большей степени французская школа «Анналов» сформировали определенный сегмент современной российской геополитики, в рамках которого территория рассматривается не как объект с заданными характеристиками, а как потенциальность, актуализируемая активностью населения. «Антропологический» поворот в отечественной геополитике в целом отражает последовательный интерес постсоветской гуманитарной науки к образам региональных и цивилизационных пространств, моделям мира коллективных сообществ, связанных своим образом жизни с определенными ареалами обитания, и, наконец, к идентификационным матрицам соответствующих сообществ. Близка отечественным исследователям оказалась и идея дифференциации политических и культурных границ, которую последовательно развивал в своих работах французский геополитик М. Фуше [8].

Методологическая установка на изучение роли культурного пространства, простирающегося поверх политических границ государств, стала инструментом научной операционализации некоторых геополитических метафор, в том числе и метафоры Русского мира. В современной отечественной геополитике понятие «Русский мир» отражает

цивилизационное, социокультурное и наднациональное пространство, которое объединяет людей, говорящих на русском языке, ассоциирующих себя с русской культурой и связывающих свою судьбу с Россией. Идентификация с Россией через причастность к русскому языку и русской культуре открывает перед человеком, вне зависимости от его этнической принадлежности и страны проживания, доступ к широкой сети коммуникации. Как показали события на Украине в 2013–2014 гг., Русский мир является ценностью для граждан государств даже за пределами РФ.

Под влиянием атлантизма и англоамериканских моделей геополитического анализа в орбите постсоветских исследований оказалось государство как субъект, осуществляющий военно-политический контроль над территорией. В англосаксонской традиции государство и его атрибуты (военная сила и экономическая мощь) традиционно выступают единицами геополитического анализа. Этнический аспект, как правило, остается за пределами таких исследований. Одним из редких исключений можно считать работу Рэндалла Коллинза «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений». Хотя работа прямо не затрагивает российский контекст, она интересна тем, что позволяет осветить взаимосвязь геополитических процессов с динамикой умножения и сокращения этнического многообразия.

Динамика умножения этнического многообразия тенденциозно, по заявлению самого Коллинза, названа в статье «балканизацией», тогда как его сокращения – «американизацией». По его мнению, первое является безусловным социальным злом, тогда как второе – благом. Способность осу-

ществлять действия, направленные на этническую гомогенизацию, а в пределе и ассимиляцию («американизацию»), зависит от силы государства и его возможности осуществить политическую и военную мобилизацию населения, что в немалой степени зависит от степени лояльности этого населения к государственной власти. «Этническая группа – это не только и не столько даже сообщество, обладающее общей культурой и идентичностью. Ее идентичность образуется разграничительными линиями, позволяющими противопоставлять ее другим» [2, с. 22]. Коллинз связывает сокращение этнического многообразия со способностью государства осуществлять ассимиляцию, сводя число разграничений к минимуму.

Умножение этнических групп, а следовательно, и межэтнических разграничений, Коллинз справедливо связывает с многообразием биологических типов, которые подвергаются социальному конструированию, а также лингвистических групп. Данный тезис не вызывает сомнений. Сомнение вызывает уверенность автора в безусловной возможности государства контролировать численность расовых и языковых групп в обществе.

Если отвлечься от необоснованной уверенности в возможности использования макросоциологического анализа для исследования археологических и палеонтологических данных, Коллинз в целом верно фиксирует стремление национального государства к биологической и лингвистической однородности, которая делает менее сложной политическую мобилизацию. Он видит роль государства в способности использования им военной мощи для удержания контроля над территорией. Следовательно, рост международного престижа

государства прямо влияет на повышение легитимности доминирующей этнической группы в данном обществе. И, напротив, в слабом государстве престиж доминирующего этноса ослабляется [Там же, с. 31].

Таким образом, ассимиляция связывается с геополитическим преимуществом («американизация»), а сепаратизм – с ослаблением геополитического могущества («балканизация»). Однако сам Коллинз признает, что его модель не способна объяснить ряд трудных случаев, таких, например, как ирландский сепаратизм в могущественной Британской империи или нежелание афроамериканцев ассимилироваться с белыми американцами [Там же, с. 51–58]. Хотя в работе не идет речи о России, в концепции Р. Коллинза она тоже может выглядеть «трудным случаем», так как численное доминирование русских и их роль в развитии государственных институтов не привели к ассимиляции иных этносов. Более того, в определенные периоды российское государство сознательно поддерживало идентичность недоминантных этнических групп, отличающихся от русских в том числе и в конфессиональном отношении. Эти и другие технологические действия, отклоняющиеся от логики развития национальных государств модерна, осуществляющих коллективную мобилизацию граждан на основе культурной унификации, лишь подтверждают тезис о России как незападном обществе и государстве, вынужденном учитывать цивилизационные особенности народов, которые она объединила.

Обобщая основные идеи мировой и отечественной цивилизационной компаративистики, сложившейся под значительным влиянием геополитических исследований, можно сформулировать следующие выводы. Динамика России как цивилизации в

общих чертах характеризуется, во-первых, генетической связью с субконтинентальной частью материка Евразия; во-вторых, социокультурной интеграцией достаточно разнородных славяно-тюрко-финно-угорских компонентов; в-третьих, своеобразным восприятием западных заимствований, в том числе идей марксизма, обусловивших специфику российской модернизации.

Цивилизационную динамику России, так же как и цивилизационное развитие иных макросоциальных систем, можно разделить на два отрезка: предцивилизационный и собственно цивилизационный. Предцивилизационный период (VI–XV вв.) относится к Средневековью и связан с государственными образованиями, составлявшими вместе с Византией восточный полюс христианской цивилизации средневековой Европы. В их числе такие государства, как Киевская Русь, удельные княжества периода феодальной раздробленности, Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское на ранних этапах своего существования.

Собственно цивилизационный период наступает после распада государственных образований Чингизидов и расширения геополитической ниши самого многочисленного славянского народа, русских, за счет территорий канувшей в Лету Монгольской империи. Исторически этот процесс связан с возвышением Московского царства в начале XVI в. [6, с. 5]. В этническом самосознании русских этот фрагмент их исторической памяти связан с образом Святой Руси, проникшим в литературу из фольклора. Возникновение этого образа связано с идеей Москвы как Третьего Рима, единственного хранителя православной веры после падения Византии [5]. Россия как государство-цивилизация существовала

как Московское царство, Российская империя, СССР. Российская Федерация является их преемницей.

Модель цивилизационного синтеза можно представить по аналогии с моделью химического синтеза, в которой этносы выступают структурными элементами, цивилизация – «веществом», а устойчивые межэтнические взаимодействия – соединениями. Нами выявлены следующие этапы межэтнического синтеза российской цивилизации: 1) предцивилизационный, характерный для Средневековья, и 2) цивилизационный, который начинается на рубеже Средневековья и Нового времени, в конце XV – начале XVI в. Ведущей формой синтеза на первом этапе являлся славяно-финно-угорский при политическом доминировании восточнославянского субстрата; на втором – синтез двух соединений, славяно-финно-угорского (восточноевропейского) и тюрко-монгольского (кочевого) при демографическом, политическом и культурном доминировании русских.

Предцивилизационный этап генезиса России хронологически совпадает с локально-историческим периодом геосторического развития ее народов. На этом этапе народы будущей российской цивилизации составляли окраины восточноевропейского полюса христианской цивилизации Средневековья (восточные славяне, балты, финно-угры) и кочевой цивилизации (народы тюрко-монгольского мира).

Цивилизационный этап развития России, обусловленный выходом восточных славян за пределы лесостепной зоны Восточно-Европейской равнины, сочетает устойчивое воспроизводство локально-исторического содержания с нарастанием глобального содержания цивилизационной динамики восточных славян, финно-

угров, тюрков, монголов и других, этногенез которых связан с континентальным сектором материка Евразия и сопредельными территориями (Причерноморьем, Кавказом, Средним Востоком, Центральной Азией, Дальним Востоком). На этом этапе началось объединение народов российской цивилизации при посредничестве русской культуры.

Учитывая тот факт, что Россия является не просто локальной цивилизацией, а государством-цивилизацией, важно зафиксировать несколько значимых моментов. Во-первых, Россия не является классическим национальным государством, таким, например, как большинство европейских государств. Россия является национальным государством русских и других народов, имеющих «титulusный» статус в субъектах РФ. Это обусловило конкурентоспособность мультинационального типа управления этническим многообразием в сравнении с мононациональным типом. Во-вторых, Россия является цивилизацией, объединившей народы континентальной Евразии. Это сближает российское государство и российское общество с евразийскими государствами и обществами – Украиной, Белоруссией, Молдавией, Румынией, Турцией, Сербией, Болгарией, Македонией, Боснией, Албанией, Грецией, Азербайджаном, Грузией, Арменией, получившими византийское культурное наследие. В-третьих, несмотря на эту общность и евразийский характер цивилизационного синтеза, Россия, так же как Индия и Китай, является отдельной, самостоятельной цивилизацией. Эта самодостаточность вызывает опасения у ее европейских соседей и ограничивает ее возможности как государства участвовать в евроатлантических и иных межгосударственных военно-политических со-

юзах. Наконец, в-четвертых, Россия является цивилизацией-спутником Европы. Это самым серьезным образом воздействует на социокультурную динамику России в цивилизационном плане и в аспекте социокультурных трансформаций. Это влияние, в частности, обуславливает чередование в ее истории периодов вестернизации и автотомодернизации.

Развитие цивилизационных процессов связано с качественным усложнением механизмов цивилизационной самоорганизации. Оно заключается в переходе от цивилизационного симбиоза к синтезу, который сопровождается усилением экономических связей между этническими сообществами и переходом от менее развитых хозяйственно-экономических укладов к более развитым (при сохранении многоукладности). Действие экономических факторов дополняется постоянным действием культурных: 1) ростом влияния русского языка как языка цивилизационной коммуникации и средства внедрения модернизационных инноваций; 2) общей исторической памятью народов России об участии в войнах, политических союзах, миграциях и т. д.; 3) профессиональной толерантностью, унаследованной российским государством от предшествующих государственных образований – православной Византии и кочевой Монголии; 4) близостью ценностных установок, имеющих сложносоставное ядро, включающее восточные идеи коллективизма и «служения» наряду с западными ценностями достижения успеха и личностной автономии. Наконец, пребывание в рамках политической системы Московского царства, Российской империи и СССР также повлияло на цивилизационный синтез, который стал очевидностью после того, как распался СССР [3, с. 80].

Таким образом, этническая общность может быть рассмотрена как структурный элемент локальной цивилизации, а этническое многообразие – как структурно-генетический фактор ее социокультурной динамики. Это означает, что в генезисе локальной цивилизации этническое многообразие выступает самостоятельным фактором развития, предопределяя наличные этнокультурные связи как субстрат и своеобразие межэтнических взаимодействий как компонент ее синтеза. Применительно к России данные характеристики раскрывают ее специфику как локальной цивилизации, «строительным материалом» которой стали общности, воспроизводящие формы этнической коллективности восточнославянских, тюрко-монгольских, финно-угорских, тунгусо-манчжурских, циркумполярных и иных народов, а также устойчивость их взаимодействий.

В настоящее время степень остроты дискуссии вокруг понимания роли этнического многообразия как фактора социокультурной динамики России не уменьшается. В российском научном дискурсе она связывается с обсуждением интегрирующего потенциала гражданского сообщества россиян и его совместимости с этнической идентичностью, а также перспективами формирования новых ценностей, способных консолидировать общество на пути солидарности, согласия и противостояния экстремизму и ксенофобии.

Национальная программа модернизации страны обязательно должна опираться на традиции ее населения (во всей полноте его этнического и регионального многообразия) как на ресурс инновационного развития в новом, глобализирующемся мире. Этот импульс был воспринят властью при разработке Стратегии государственной национальной политики Российской Федера-

ции на период до 2025 года. Стратегия разрабатывалась с учетом задач стратегического планирования в сферах государственной безопасности, долгосрочного социально-экономического развития, региональной, молодежной, миграционной, образовательной и культурной политики. Стратегия имеет самый высокий, государственный статус. Однако, как ни парадоксально, в ее тексте не зафиксировано принципа, который обеспечил бы взаимосвязь между укреплением гражданской интеграции и сохранением этнического многообразия. Его следует искать в цивилизационных основаниях того культурного субстрата, из которого выкристаллизовывается в настоящее время гражданское сообщество россиян.

Проблемы, с которыми сталкивается российское общество, являются общими для большинства стран. Их в той или иной мере, как было показано в данной работе, переживают все общества, переходящие в современную стадию своего развития. Глобализация усиливает противоречия между отдельными его сегментами, приписывая социальным барьерам значение культурных различий. Особенным же для России является евразийский контекст, который повлиял на становление российского социума так же, как повлиял на становление обществ в Турции, балканских странах, Греции и Югославии, где христианство встретилось с исламом, а славянский этнокультурный субстрат соприкоснулся с тюркским. В этих обществах, так же как и в российском обществе, выделяются необходимые для межкультурного синтеза народов предпосылки: во-первых, экономические связи, соединяющие народы, некогда входившие в ареал влияния эллинистической культуры, а впоследствии в состав Византии и Османской империи; во-вторых, своеобразный симбиоз

западных (идеи индивидуальной ответственности) и восточных (идеал общественного служения) ценностей.

Уникальной же особенностью России является принадлежность ее народов к единой цивилизации, т. е. такое состояние межкультурного синтеза, которое оказалось недостижимым для других евразийских обществ. Этот синтез был достигнут благодаря единой коммуникативной основе, широкому распространению русского языка, который стал языком цивилизационного общения и проводником многих народов в мир высокой культуры модерна. Другим социокультурным основанием межкультурного синтеза, завершившимся становлением российской цивилизации и повлиявшим на ее последующее развитие, является историческая память ее народов, действующая, скорее, как интеграционный механизм, хотя она и содержит противоречивые по своей направленности сюжеты. Россия не знала драматических событий, сравнимых с обменом турецкого и греческого населения, предпринятого Турцией и Грецией после войны 1919–1921 гг., когда более 2 млн чел. в одночасье лишились своей родины. Ей удалось избежать трагедии, которая выпала на долю народов Югославии в конце XX в.

Наконец, весьма мощным фактором цивилизационного синтеза народов оказалось их пребывание в составе Российского государства, которое вне зависимости от исторического контекста предпочитало воздерживаться от прямой дискриминации в отношении недоминантных этнических групп. Разумеется, существовали и исключения, основанные на вероисповедальном принципе. Воздерживаясь от восторженных оценок роли российского государства в процессах межэтнического сотрудничества, стоит признать, что его политическим элитам не был

чужд определенный прагматизм. Он требовал от власти принимать во внимание общественный запрос на оптимизацию межэтнических взаимодействий, что и обусловило синтез западных (национальных) и западных, учитывающих цивилизационную специфику России, моделей управления.

Хотя СССР не был ни колониальным, ни империалистическим государством, после его распада перед россиянами, так же как в свое время, например, перед британцами, встал вопрос преемственности государства. Является ли Россия совершенно новым государством наряду с другими постсоветскими государствами, или она является государством-преемником СССР? Россия выбрала тот путь, по которому пошла Великобритания, отделенная морем от своих бывших территорий. Этот путь предполагал сохранение связей со странами, некогда входившими в состав СССР, и сохранение своего присутствия в тех ключевых точках на постсоветском пространстве, где это было вызвано жизненной необходимостью. Однако, в отличие от колониальных держав, перед Россией не стоял вопрос об экономической или моральной компенсации в отношениях с новыми независимыми государствами. Россия традиционно выступала в отношениях с бывшими союзными республиками, так же как в свое время Российская империя в отношениях с национальными окраинами, не только как экономический донор, но и как проводник модернизационных процессов, а также как проводник в глобальный мир, который стал восприниматься как единое целое после Великих географических открытий.

Вопреки расхожему представлению о России как имперском государстве, сила и мощь которого обеспечена экономическим превосходством сильных и зависимостью

слабых, цивилизационная общность больших и малых народов российской цивилизации являет собой пример горизонтального, основанного на самоорганизации социокультурного пространства. Принцип равенства и справедливости в отношениях между людьми и между народами выступает механизмом сдерживания политических элит новых независимых государств, озабоченных расширением собственной власти в ситуации дефицита влияния институтов гражданского общества.

Литература

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций: монография. – М.: Весь мир, 2008. – 552 с.
2. Коллиз Р. «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений // Логос. – 2005. – № 1. – С. 19–64.
3. Российская цивилизация: современное состояние / В.Г. Костюк, М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова, Е.А. Ерохина, В.В. Мархинин, И.В. Удалова, Д.В. Ушаков // Россия как цивилизация: сибирский ракурс: монография. – Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 2008. – С. 79–197.
4. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: антология. – М.: Наука, 1993. – С. 123–130.
5. Стремужов Д. Москва – Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 2, кн. 1. – С. 425–441.
6. Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия / В.В. Трепавлов и др.; под ред. В.В. Трепавлова. – М.: Наука, 2003. – 378 с.
7. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: антология. – М.: Наука, 1993. – С. 90–99.
8. Foucher M. Fronts et frontieres: un tour du monde géopolitique. – Paris: Fayard, 1988. – 528 p.

ETHNIC DIVERSITY IN THE CIVILIZATIONAL DYNAMICS OF RUSSIA

E.A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law SB
RAS Novosibirsk, Russian Federation

leroh@mail.ru

The article aims to identify the details of the internal structure of the Russian civilization in the aggregate of its constituent elements: the East Slavic, the Finno-Ugric, the Turkic-Mongol, etc. We correlated the analysis of provisions of the civilizational and geopolitical concepts with the specific character of historical experience of the development of Russia as a local civilization. The author highlights three stages of understanding the ethnic diversity role in the development of the Russian civilization: 1) Pre-Eurasian (1703-1907), 2) Eurasian (1907-1968), 3) Post-Eurasian, or contemporary. The article reveals the structural-genetic role of ethnic diversity in the development of the Russian civilization. The development of civilizational processes is connected to the qualitative complication of civilizational self-organization mechanisms. It implies transition from civilizational symbiosis to synthesis, which is accompanied by strengthening economic ties among ethnic groups, and transformation of less developed economies into more developed ones (preserving mixed economy). We propose the model of civilizational synthesis in which the ethnoses are «structural elements», stable interethnic interactions are «connections», and civilization itself is «substance». Two stages of genesis of the Russian civilization are highlighted: 1) Slavic-Finno-Ugric symbiosis under the political dominant of the eastern Slavs (pre- and early- civilizational stage, VIII-XV centuries); 2) Synthesis of two compounds, Eastern-European (Slavic-Finno-Ugric) and Turkic-Mongol (nomadic) under demographic, political, and cultural domination of Russians (XVI-XX centuries).

Keywords: ethnic diversity, Russia, the comparative study of civilizations, geopolitics.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-25-34

References

1. Braudel F. *Grammatika tsivilizatsii* [The civilizations grammar]. Translated from Franch. Moscow, Ves' mir Publ., 2008. 552 p. (In Russian)
2. Collinz R. "Balkanizatsiya" ili "amerikani-zatsiya": geopoliticheskaya teoriya etnicheskikh izmenenii ["Balkanization" or "americanization": a geopolitical theory of ethnic change]. *Logos*, 2005, no. 1, pp. 19–64. (In Russian)
3. Kostyuk V.G., Abramova M.A., Goncharova G.S., Erokhina E.A., Markhinin V.V., Udalova I.V., Ushakov D.V. Rossiiskaya tsivilizatsiya: sovremennoe sostoyanie [Russian civilization: the current state]. *Rossiya kak tsivilizatsiya: sibirskii rakurs* [Russia as a civilization: Siberian foreshortening]. Novosibirsk, Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 79–197.
4. Savitskii P.N. Step' i osedlost' [The steppe and the sedentary]. *Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: evraziiskii soblazn* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 123–130.
5. Stremoukhov D. Moskva – Tretii Rim: istochnik doktriny [Moscow – the Third Rome: the source of doctrine]. *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the history of Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002, vol. 2, bk. 1, pp. 425–441.
6. Trepavlov V.V., ed. *Rossiiskaya mnogonatsional'naya tsivilizatsiya: edinstvo i protivorechiya* [Russian multi-ethnic civilization: the unity and contradiction]. Ed. by V.V. Trepavlov. Moscow, Nauka Publ., 1993. 378 p.
7. Trubetskoi N.S. Obshcheevraziiskii natsionalizm [Pan-Eurasian nationalism]. *Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: evraziiskii soblazn* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 90–99.
8. Foucher M. *Fronts et frontieres: un tour du monde géopolitique*. Paris, Fayard, 1988. 528 p.